20. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: Город. – М., 2001.

21. Центральный государственный архив историко-политических документов (ЦГА ИПД). Ф. 25. Оп. 8. Д. 13.

22. ЦГА ИПД. Ф.25. Оп. 10. Д. 42.

23. ЦГА ИПД. Ф. К-598. Оп. 2. Д. 107.

24. ЦГА ИПД. Ф. К-598. Оп. 2. Д. 118.

25. Яров С.В. Конформизм в Советской России: Петроград 1917–1920-х годов. – СПб., 2006.

26. Timashev N. The Great Refreat: The growth and decline of communism in Russia. – New York, 1946.

УДК 94(47).084.9
ББК 63.3(2)632/633-2

О. В. Капустина *

К вопросу об образе жизни советских пенсионеров в 1950–1980 гг. XX в. (на основе анализа произведений советских поэтов и «политических» анекдотов)

В статье проанализированы поэтические характеристики советских пенсионеров и советские «политические» анекдоты, персонажами которых являются пожилые люди. Исследование данных исторических источников позволило автору определить основные составляющие их образа жизни.

The article analyzes the poetic characteristics of Soviet pensioners and Soviet «political» jokes, where the characters are older people. The study of historical data sources has allowed the author to identify the main components of their lifestyle.

Ключевые слова: пенсионеры, пенсия, образ жизни, советская система, анекдоты, контент-анализ, социальные роли, внешний вид.

Key words: pensioners, pension, lifestyle, the Soviet system, jokes, content analysis, social roles, appearance.

* **Капустина Ольга Владимировна**, соискатель, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

Образ жизни – это совокупность норм и правил поведения людей в обыденной жизни, в нем находят свое отражение отношение человека к труду и быту, к общественной жизни, формы удовлетворения их материальных и духовных потребностей людей. На образ жизни граждан любого государства большое влияние оказывает общественно-политический строй, который в свою очередь определяет экономическое положение, культуру и мировоззрение. Задачи советского социального обеспечения были высокогуманными: на каждом съезде Коммунистической партии говорилось о необходимости увеличения количества средств на выплату пенсий, повышения средней заработной платы рабочих и доходов колхозников, из которых могла бы быть рассчитана пенсия. Постановления ВЦСПС и Совмина предполагали постоянное улучшение обеспечения ветеранов и инвалидов средствами передвижения и протезно-ортопедическими изделиями, лекарственными средствами и санаторно-курортными путевками, а также расширение сети домов-интернатов и создание в них благоприятных, приближенных к домашним условий жизни. Планы партии и правительства в области пенсионного обеспечения нашли свое отражение «Законе СССР о государственных пенсиях» [16, ст. 617], принятом Верховным Советом СССР 14 июля 1956 г. и «Законе СССР о пенсиях и пособиях членам колхозов» [17, ст. 340], принятом Верховным Советом СССР 15 июля 1964, которые действовали до момента распада Советского Союза. За время существования этих законов число пенсионеров Советском Союзе выросло с 18 млн в 1957 г. [14, с. 6] до 61,2 млн чел. в начале 1991 г. [15, с. 76]. Что же имели в результате действия этих законов пожилые люди в СССР? Выяснить это нам помогут следующие интереснейшие источники. Во-первых, это поэтические произведения, написанные советскими авторами в 50–80 гг. прошлого века, то есть в период действия упомянутых законов, и во-вторых – анекдоты советского времени.

Почему для исследования важны именно поэтические характеристики «бабушек и дедушек»? Поэты и в России, и в Советским Союзе, традиционно считались выразителями жизненной правды, поэтому их произведения могут помочь автору в определении места

пенсионеров в советском обществе, понять отношение к ним со стороны более молодых граждан (их детей, соседей, случайных прохожих).

В данной работе проанализированы пятьдесят произвольно отобранных поэтических произведений, в которых упоминаются люди пожилого возраста, рассказывается об их судьбах и занятиях. Из них тридцать восемь условно можно назвать «взрослыми» и двенадцать, предназначены для детей. Среди авторов стихотворных источников – известные и уважаемые советскими людьми Евгений Евтушенко, Андрей Дементьев, Николай Доризо, Новелла Матвеева – поэты «оттепели»; диссидент Александр Галич, а также малоизвестные широкому кругу читателей авторы, считавшиеся в те годы молодыми. Из поэтов, посвятивших свое творчество детям, особое внимание к бабушкам и дедушкам проявила Агния Барто.

В большинстве поэтических источников прослеживается уважительное отношение со стороны авторов к пожилым людям: «…по земле на счастье бродят бабушки» [10, с. 55] или «любите их! – за ними истина» [2: 4]. Только в четырех произведениях представители старшего советского поколения показаны в негативном аспекте. Первые два стихотворения, вышедшие из-под пера Александра Галича, посвящены престарелым руководителям страны и пенсионерам, отдыхающим в санатории. Николай Заболоцкий осуждает живущую в роскоши старую актрису, которая унижает взятую в дом бедную девочку – племянницу. И последний отрицательный персонаж – любитель выпить, пенсионер Бугаев. Однако делать какие-либо выводы об образе жизни советских пенсионеров, исходя из уважительного, а иногда даже пафосно-восторженного, к ним отношения большинства авторов поэтических источников, рано.

При анализе образа жизни пожилых людей Советского Союза в данном случае может быть использован контент-анализ, который является количественным методом исследования. Эта методика позволяет узнать из текстов больше, чем хотели сказать его авторы, так как настойчивое повторение в текстах каких-то тем или употребление каких-то характерных формальных элементов (слов, словосочетаний) может не осознаваться авторами, но обнаруживается и

определенным образом интерпретируется исследователем. Единица контент-анализа – это устойчиво повторяющаяся смысловая единица текста, относительно которой выявляются статистические и структурные связи с другими единицами или иными количественными или качественными характеристиками. В качестве единиц анализа могут быть использованы слово, предложение, тема, идея, персонаж, социальная ситуация и просто часть текста, объединенная чем-то, что соответствует смыслу исследования. Кроме единиц анализа устанавливаются единицы счета, то есть количественные меры единиц анализа, позволяющие регистрировать частоту (регулярность) появления признака категории анализа в тексте. Прежде всего необходимо определить единицы контент-анализа. Во-первых, это «персонаж», так как для исследования важно понять, как в советском обществе определяли или называли пожилых людей. Во-вторых, это слово или словосочетание, характеризующее пенсионеров, отражающее их настроения и эмоции, дающее представления об их облике и одежде. В-третьих, социальные ситуации, связанные с времяпрепровождением пенсионеров, иначе говоря, тема работы и досуга пожилых людей. В качестве единицы счета целесообразно использовать слова и словосочетания для определения персонажей и их характеристик, а также словосочетания и предложения для уточнения их основных занятий.

Основными персонажами исследованных поэтических источников являлись старухи (17 употреблений слова) и старики (22 употребления), бабушки (23 употребления) и дедушки (2), старушки (10 употреблений) и старички (5), бабки (6 употреблений) и деды (11). Четыре раза в стихах встречается слово «пенсионер», дважды – «старец» и «ветеран» и по одному разу «старица», «бабуся» и «престарелый». Какие-либо другие определения для пожилых граждан Советского Союза отсутствуют. Характерно, что о возрасте данных персонажей судить трудно. Прямо количество прожитых стариками лет указывается только в четырех произведениях: семьдесят, семьдесят два и семьдесят пять. И еще один раз указывается число лет получения пенсии – семь. Авторы других источников позволяют читателям делать о возрасте героев собственные выводы.

Как, например, определить возраст старухи, которая может сметать стог, а ее единственная молодая дочь «на танцах кружит вечерами»? [4, с. 42]. Вряд ли ей восемьдесят лет.

Как же выглядят перечисленные старики и бабушки на страницах поэтических сборников? Их внешний вид характеризуют несколько повторяющихся фраз. Четыре раза упоминаются морщины и восемь – седина, кроме этого, о седине еще три раза говорится иносказательно, как о снеге, серебре и белоголовости. Их глаза «вопрошающе печальны» [10, с. 54] и «глубоки» [4, с. 42], а руки «грубые» [18, с. 37], «с синими жилками» [21, с. 115] или «в прожилках тонких» [6, с. 12]. Нельзя не упомянуть о прическах. Многочисленные старухи городских кварталов Бориса Слуцкого, «чесали гребнем редкие косы» [20, с. 395], а одинаковые старушки «мать и дочь» Николая Доризо щеголяли в «букольках» [9].

На бабушках, предположительно проживавших в деревнях, можно увидеть следующие наряды: «узко как труба в горошину платье до пят» [12, с. 99], «кофтенка, голубенькая крапинка платка» [19, с. 236], «было тесно заплатам на кацавейке» [2, с. 123] у старушки, встреченной автором у вокзала. На деревенском старике – рубаха навыпуск [2, с. 236]. При этом, описывая «кофтенку» и «рубаху на выпуск» ленинградская поэтесса Нонна Слепакова делает обобщения о том, что это «все старушечье» и «все стариковское» [2, с. 236]. Городские пенсионерки выглядели поизящнее. Одна из них была «обернута шалью старательно… обута в суконные ботики» [21, с. 115], еще две седенькие старушки даже носили шляпки, а старухи, о которых рассказал Борис Слуцкий «катали в пальцах старые бусы» [20, с. 395]. В санаториях отдыхали «старцы в чесанках с галошами» [5, с. 46] и даже бывшая знаменитая актриса была «в затрапезе похожа на щегла» [11, с. 256]. Описание красивой, дорогой или модной одежды отсутствует, создается впечатление, что пожилые советские люди носили очень простые недорогие вещи или постоянно что-то донашивали.

Как же проводили свое время герои и героини стихотворений? Пожилые люди (по результатам исследований двадцати шести источников) были постоянно чем-то заняты. Однако, только старики А.

Галича «управляли миром» [5, с. 30]. Дела остальных были более прозаическими: старушки мыли полы, плели кружева, подавали щи и вообще были «машинами стиральными, качальными» [10, с. 54]. Бабушки из добрых детских стишков посвящали все свое время внукам: пели им ладушки, гладили наряды и пекли оладушки. Старики из «взрослых» стихов носили дрова, читали газеты, рассказывали сказки внукам и даже пили водку, а персонажи детских – вместе с внуками чинили стулья, красили сараи и играли в шахматы. В восьми источниках имеются сведения о способах добывания стариками денег. Кроме уже упомянутых номенклатурщиков, которые имеют доход с того, что «держат крепко бразды правленья» [5, с. 30], пожилые люди работали в качестве сторожей и конюхов. Еще один старик был профессиональным поэтом, а плохо одетая бабушка торговала «горсткой грецких орехов» [2, с. 123]. И, конечно же, стариков в трудную минуту выручали копейки, полученные от сдачи бутылок из-под перцовки (пенсионер Бугаев) или кефира (старушка Ирина Кондратьевна[21, с. 114–115]. В конечном итоге, в зависимости от места жительства, советские старики коротали досуг на деревенской завалинке или на городской лавочке. Жители домов-интернатов для престарелых обходились без «мытья тарелок» [8, с. 177] и проводили время «у телевизора, в кино, скользя по книге взглядом» [20, с. 395]. Интересно, что пожилые граждане первого в мире атеистического государства все равно в трех произведениях обращались к богу. Они «твердили молитвы» [20, с. 395], обращались к иконам и крестили зевки. Никто из пожилых советских людей, ставших героями исследованных стихотворений, кроме лубочно-сказочного Дяди Степы, побывавшего в Париже и поднимавшего там «бокал искристый за французских коммунистов» [13], не путешествовал и не посещал какие-либо культурно-развлекательные мероприятия.

Каково же было отношение к старикам в Советском обществе? Согласно меткому обобщению Евгения Евтушенко, «о них обыкновенно не заботятся… они в домах ютятся по углам» [10, с. 54]. О «неприметном» уделе стариков писал и Николай Заболоцкий [11, с. 269]. В тринадцати источниках из пятидесяти имеются сведения

об одинокой жизни старых людей и еще в четырех – рассказывается о проблемах с детьми. Две женщины брошены детьми и поэтому выживают, как могут: одна в доме для престарелых, другая – торгуя орехами на вокзале. Сын бабки Анны из стихотворения Любови Новиковой достиг больших высот и ездил «в командировки за границу» [2, с. 124], однако ее луг косил нанятый за поллитровку сосед, а уже упомянутая старуха, дочь которой любила танцевать, стога метала самостоятельно. Очень показателен в этом отношении детский стишок Агнии Барто о формальном отношении школьников к добрым делам. Стоящая у доски девочка раздает призовые очки одноклассникам за тот или иной положительный поступок, в том числе мальчик Никита получил три очка за старичка, которого он водил в гости. Мальчик недоволен: «Три очка за старичка! Я требую прибавки! Я с ним провел почти полдня, Он полюбить успел меня» [1, с. 123].

Итак, с одной стороны, в поэтических произведениях прослеживается авторское восхищение простотой, трудолюбием, стойкостью простых пожилых людей в нелегких жизненных ситуациях, признание их незаменимости: «Россия наша держится на бабушках» [10, с. 54], а с другой – отражено потребительское отношение к ним со стороны более молодого поколения: советские старики не требовали дорогостоящих нарядов и развлечений и, взяв на себя роль домашних работниц и работников, а также воспитателей внуков, позволяли детям заниматься личной жизнью и делать карьеру. Отрицательное отношение в стихах прослеживается только к тем представителям старшего поколения, которые находились во власти, имели накопленные богатства (старая актриса) или льготы (отдыхающие в профсоюзном санатории).

Следующий комплекс источников – анекдоты советского времени. Анекдот – это краткая смешная история, основная черта которой – анонимность. Трудно установить первоначального автора такой истории, каждый рассказчик имеет право добавить в нее свои изменения, поэтому анекдот, по праву, можно отнести к жанру народного творчества. Анекдоты, вероятнее всего, являются наименее достоверными историческими источниками, однако ценность содер-

жащейся в них информации заключается в оценках, которые общество дает тому или иному событию или явлению, характерному для государства. Исходя из лояльности к советскому правительству, все анекдоты можно разбить на две категории: легальные, то есть не имеющие запрета на рассказ и публикацию и, так называемые, «политические», в которых в критической форме выражалось отношение советских людей к существующему строю и его вождям. Политические анекдоты были запрещены и, соответственно, наиболее интересны, так как позволяли себе вышучивать самые возвышенные для того времени идеалы и идеологические догмы. В данной работе проанализированы политические анекдоты, основными персонажами которых являются пожилые советские граждане, иначе говоря, старики и старухи. Анекдоты были рассказаны автору друзьями и знакомыми, при этом некоторые анекдоты в пересказе разных лиц получили различные интерпретации. Весь массив политических анекдотов про пожилых людей можно разбить на несколько циклов. Первый цикл был посвящен льготам для ветеранов войны: в годы, когда многие товары считались дефицитными, ветераны Великой Отечественной войны получили право на внеочередное обслуживание в магазинах. Это вызывало в обществе неоднозначную реакцию. Основным аргументом недовольства обычных граждан было приобретение инвалидами войны товаров не для себя, а для детей и внуков, то есть использование их как средства обогащения для лиц, самостоятельно никаких привилегий не заслуживших. И здесь, в первую очередь, интересен следующий анекдот: «Какие новые льготы для ветеранов войны установлены правительством? Теперь им разрешено переходить улицу на красный свет, стоять под стрелой и заплывать за буйки». В другом варианте этого анекдота говориться о 50% скидке с первого апреля на транспортное обслуживание: такси, собачьи упряжки, подводные лодки и Орбитальную станцию «Мир».

Следующая история позволяет взглянуть на проблемку предоставления льгот с другой стороны: «К Л.И. Брежневу на приём пришла делегация ветеранов войны. Старики были недовольны тем, что у нового оформления бутылки водки оказался существенный

изъян: пробка была без "ушка". А без ушка ветеранам трудно открывать бутылку. Поэтому ходоки просили любимого вождя помочь им и распорядиться о возврате "ушка" на крышку. Вождь заверил ветеранов, что их просьбу обязательно выполнит. Ветераны ушли, Брежнев достал из сейфа бутылку дорогой водки и, отвинчивая крышечку, подумал: "а, на фига им это ушко?"». Этот эпизод говорит нам о весьма формальном отношении властей к ветеранам войны, об отсутствии понимания их реальных нужд.

Другой обширный цикл анекдотов рассказывает о происшествиях на лекциях по внешней политике и внутреннем положении в стране, организованных для сельских тружеников в клубах, после которых с вопросами к лектору или с собственным резюме выступают старики-колхозники. К этому же циклу можно отнести и анекдоты о производственных собраниях колхозников, проходящих в этих же сельских клубах.

На колхозном собрании, посвященном соревнованию с Америкой, берет слово дед: «Догнать-то ее можно, отчего ж не догнать, а вот перегонять не к чему: видать будет заплаты на заднице».

В колхозе выступает лектор с докладом о последних достижениях в строительстве социализма. Поговорили о БАМе как стройке социализма, о том, что строительство железнодорожного полотна ведется одновременно из Сибири и из центральной России, и перешли к международной политике. Лектор спросил, есть ли у кого вопросы? Поднимает руку старый дед: «Скажите, а на БАМе будет две колеи или одна?» Лектор отвечает: «В Китае сложное положение, но социализм строится». Опять поднимает руку дед: «На БАМе будет две колеи или одна?» – «В Венгрии сложное положение, но социализм строится… у кого есть вопросы». Дед снова: «Будет две колеи или одна?» – «В Чехословакии сложное положение, но социализм строится…» Дед не унимается: «Две или одна?» Лектор не выдерживает: «Встретятся – будет одна, не встретятся – будет две».

Давая характеристику развитому социализму, лектор сказал: «Одной ногой мы стоим в социализме, а другой уже шагнули в коммунизм». Старушка его спрашивает: «И долго, милок, нам эдак раскорякой стоять?».

Колхозники с превеликим трудом раздобыли немного фанеры и обсуждают, как ее употребить. «Починим коровник», – предлагает один. «Построим склад для картошки», – предлагает другой. Тут слово берет дед: «Давайте сделаем из ентой фанеры ероплан и улетим на ём к е… матери!»

Здесь нельзя не заметить присущих старикам сметливости и способности к определению существа любой проблемы. О наблюдательности и проницательности советских пенсионеров свидетельствует и следующая история: «Американцы много лет готовили резидента для работы в СССР. Его легенда была разработана блестяще. Наконец, его забросили с самолета на советскую территорию, и он вышел из леса, одетый в ватник и кепку. Зайдя во двор избы, он попросил у бабки напиться. – "А ты, милок, не шпиен ли будешь? " – "С чего ты взяла, бабка? " – "Да мы в наших краях негров отродясь не видали"».

В шестидесятые годы советский народ был потрясен заявлением Н.С. Хрущева о скором наступлении коммунизма. Людям, только что пережившим Великую Отечественную войну, трудно было представить это сказочное общество великих возможностей и всеобщего братства, поэтому появился целый ряд анекдотов на эту тему.

Один старый большевик другому: «Нет, дорогой, мы-то с вами до коммунизма не доживем, а дети… Детей жалко».

Бабка спрашивает у деда: что такое коммунизм. «Это когда равенство и братство», – говорит дед. Она не унимается: «Не понимаю, получше объясни, что такое коммунизм». Дед отмахнулся. Бабка опять за свое. Дед не выдержал: «Это когда в сенях стоят твои чуни, мои чуни, а рядом – чуни Хрущева….».

Впоследствии, со сменой руководителя Коммунистической партии произошла трансформация этого анекдота: «Это когда на стенке висят твои лапти, мои лапти, а рядом с ними лапти Брежнева».

В 1970–80-х гг. чуни уже практически не носили, это слово перестало быть понятным всем и каждому, поэтому его и заменили на более привычное – крестьянское «лапти».

Почему именно старикам позволено высказывать самые запретные мысли? Испокон веков на Руси крамольные слова дозволялось говорить шутам или юродивым – людям, больным, бедным, которым нечего было терять в результате преследования со стороны слуг государевых. «…Дураков и юродивых (блаженных, одержимых безумием) наделяли даром ясновидения и ведовства… Шут (дурак) – не просто комическая фигура, но и носитель пророческого

дара» [7, с. 11–16]. Однако, «тунеядство» и бродяжничество в советском государстве преследовалось законодательно. И миссия юродивых, по нашему мнению, была переложена на единственную подходящую категорию советских граждан – стариков и старух. Они в силу возраста уже не совсем здоровы и, видимо, не очень богаты, если не сказать, бедны (вспомним анекдот про заплаты). В приведенных для примера анекдотах они стали играть роль шутов – юродивых. Именно им позволено посягнуть на самое святое в советском обществе – Октябрьскую революцию и личности ее вождей:

Два старых большевика: «Помнишь, Вася, как мы брали Зимний?», «Да, погорячились».

На первомайской демонстрации колонна глубоких стариков несет плакат: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!» К ним подбегает некто в штатском: «Вы что, издеваетесь? Когда вы были детьми, товарищ Сталин еще не родился!» «Вот за это ему и спасибо!»

Старой актрисе для ускорения присвоения ей звания «народной» предложили вступить в партию. На приеме ее спросили, как она представляет себе коммунизм. «Всего будет вдоволь – и продуктов, и товаров, и за границу пускать будут... Одним словом, как при царе!»

«Бабушка, а Ленин был хороший?» «Хороший, внучек, хороший»; «Бабушка, а Сталин был плохой?» «Плохой, внучек, плохой»; «Бабушка, а Хрущев какой?» «Когда умрет, тогда и узнаем».

Таким образом, анекдоты – это наиболее мобильный жанр устного народного творчества, отражающий все основные изменения официального курса Коммунистической партии и правительства, в том числе, построение коммунизма и развитого социализма. Старики-колхозники из анекдотов времени Н.С. Хрущева, рассуждающие о соревновании с Америкой и светлом будущем, бедны, на ногах у них чуни или лапти, а на штанах заплаты, однако именно они, не имея государственных пенсий (напомним, Закон о колхозных пенси-

ях вступил в силу с 1 января 1965 г.), рассуждают о соревновании с Америкой и светлом коммунистическом будущем. Про внешний вид горожан сведений нет, но они тоже не совсем счастливы, если сожалеют о взятии Зимнего дворца и с любовью вспоминают о своем «некоммунистическом» детстве. В анекдотах нашло свое отражение, существовавшее в обществе уважительное отношение к старикам-беднякам и отсутствие такового к пенсионерам-льготникам.

Подводя общие итоги, можно сделать выводы о весьма малообеспеченной и не очень содержательной жизни пожилых советских граждан. Однако и поэтические произведения, и запрещенные анекдоты по-своему подчеркивают их незаменимость. Первые – в качестве домашних работников и воспитателей внуков, вторые – как отважных выразителей общественного мнения. В качестве заключения следует привести мнение пятидесяти опрошенных автором россиян, ставших пенсионерами в советское время: даже говоря о его недостатках, таких как дефицит, нехватка продуктов питания, бюрократия, они все равно считают, что старое житие было лучше и добрее, а пенсионеры пользовались заслуженным уважением. Сегодняшнему изобилию они предпочитают прежние очереди и постоянные поездки в переполненных электричках в столицу за продуктами и одеждой.

Список литературы

1. Барто А. Три очка за старичка // Я расту. – М: ЭКСМО, 2008.
2. Богословский А. Наши бабушки // Труд. – 1975. – 14 сентября.
3. Вознесенская Е.. Раздумья о пансионате // Социальное обеспечение. – 1990. – № 5.
4. Встреча: сб. стихов. – Ярославль: Верхнее-Волжское книжн. изд-во, 1982.
5. Галич А. Генеральная репетиция. – М.: Сов. писатель,1991.
6. Данилов С. Матери // Библиотека избранной лирики. – М.: Молодая гвардия, 1970.
7. Даркевич В.П. Народная культура средневековья. Светская праздничная жизнь в искусстве XI–XVI вв. – М.: Наука, 1988.

8. Дементьев А. Монолог старой женщины // Нет женщин нелюбимых. – М.: ЭКСМО, 2005.

9. Доризо Н. Мать и дочь // Вдохновение завтрашнего дня. – М.: Дет. лит., 1986.

10. Евтушенко Е. Откуда родом я. – Л.: Дет. лит., 1983.

11. Заболоцкий Н. Столбцы и поэмы. Стихотворения. – М.: Худ. лит., 1989.

12. Матвеева Н. Странница // Хвала работе. – М.: Молодая Гвардия, 1987.

13. Михалков С. Дядя Степа – ветеран // Сергей Михалков. Товарищи дети. – М.: Дет. лит., 1985.

14. Муравьева Н.А. Наши успехи // Социальное обеспечение. – 1958. – № 10.

15. Народное хозяйство в СССР. Статистический ежегодник. – М: Финансы и статистика, 1991.

16. О государственных пенсиях. Закон СССР от 14 июля 1956 // Ведомости Верховного Совета СССР – 1977. – № 41.

17. О пенсиях и пособиях членам колхозов: Закон СССР от 15 июля 1964 // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1964. – № 29.

18. Самойлов Д. Ночлег // Избр. произведения. – Т. 1. – М: Худ. лит., 1989.

19. Слепакова Н. Мста // То время – эти голоса. – Ленинград. Поэты «Оттепели». – Л.: Сов. писатель,1990.

20. Слуцкий Б. Старухи без стариков // Советская поэзия. – Т. 2. – М.: Худ. лит., 1977.

21. Тарутин О. Позвонки // То время – эти голоса. Ленинград. Поэты «Оттепели». – Л.: Сов. писатель, 1990.